

Игорь Шестков "Медведица"

– Случилось это в тридцатом году. Или в тридцать первом, не помню. Я учился в инженерно-строительном институте в Ленинграде, тогда – Гражданских инженеров. Несмотря на идейность и преданность партии, группа наша весь семестр ни черта не делала, только в расшиши играла на заднем дворе.

Битами служили медные кругляшки – специально в мастерских заказывали, с инициалами. В казне, на кону – прямоугольник на асфальте мелом рисовали – лежали монеты. Биты бросали с закрутом, но аккуратненько. Попал за черту – вылетай. Тот, чья бита ближе всех к казне лежала, бил первый. Пятачки, помню, были. Копеечки. Двушки, трешки. И серебро – гривеннички, пятнажки, двадцатки, полтиннички. Особенно ценили мы рубли с рабочим и крестьянином. Рабочий там такой коротконогий, мужику сиволапому с бороной и серпом фабрику показывает, а над ней – солнце коммунизма восходит. Светлое будущее вроде. Восемнадцать грамм чистого серебра...

Дед тяжело вздохнул, помолчал, побрякал, затем потер коленку, достал пачку «Столичных», вынул сигарету, щелкнул увесистой зажигалкой с бронзовой русалкой на боку, которую получил в подарок на шестидесятилетие «От коллектива Рособоронгипростроя», закурил, еще раз потер коленку и продолжил.

– Ну так вот, расшиши. С умом надо было бить, с подковыркой. Перевернулась монетка – твоя. Бей еще. А не смог перевернуть – уступи место следующему. Как в жизни, так и в игре. Были у нас асы. Друг мой, еще со школы – Миха Гершензон и украинец Леха Полесский. Герша – здоровый, как кирасир, мог одним ударом все монеты перевернуть. Силища, как у Геркулеса. А Леха Лес – маленький, шустрый, бабник институтский, тот бросал как бог. Бита, как приклеенная, оставалась лежать в казне. Все, игра закончена. Талант! А моя бита вечно куда-то укатывалась.

Подошла, помню, сессия. Половину нашей группы до экзаменов не допустили, а вторая половина на сопромате срезалась. Все, как один. Вызвал нас тогда профессор Коган и сказал: Надо было бы вас, бездельников, всех из института

поганой метлой... Но, боюсь, меня за это по головке не погладят. Ладно, руководство вас временно прощает и посылает на два месяца в область, помогать партии с кулаками бороться. На двоих выделяется один наган. Патроны – только холостые. И так справитесь. Приедете назад – поговорим, поможем. Инструкции, кирзачи и продукты – у Алешина. Он с вами поедет. И чтоб не пьянствовать там, курицыны дети!

Вот так, сынок, тебя посылали на картошку, чтобы ты жизнь нашу советскую, значит, узнал и народному нашему сельскому хозяйству помог, а нас, комсомольцев тридцатого года, посылали тогда по деревням – коллективизацию проводить, давить кулаков и вредителей. Изымать у паразитических элементов зерно, скот, недвижимость, орудия производства и ценности.

Я работал в связке с Михой. У Михи – наган. А у меня – только пролетарское происхождение. Сознательность и убежденность. Мы ведь в коммунизм верили. Не то, что сейчас – брехуны да шакалы в партии. Мой отец, твой прадед, Иуда, разнорабочим был на кожевенном заводе. И все мои дяди там ишачили. И мне пришлось пацаном там побегать. До сих пор вонь в носу стоит. Что такое эксплуатация, знаю не по Гегелю.

– Дедуль, как это так, ценности изымать? Вроде как милиция у воров. По какому праву?

– По революционному. Молчи и не перебивай! У меня и так до сих пор кошки по сердцу когтями скребут, будешь меня подковыривать, не буду рассказывать.

– Молчу, молчу.

– Вот то-то. Ты что же думаешь, у нас выбор был? Время-то было какое, забыл? Жизнь человека и медного гроша не стоила. Пустое место. Постановление приняли. О мерах по ликвидации кулачества как класса. Ликвидации – понимаешь, что это значит? Сказали – ехать. Все. Мешок за спину и на поезд. До Гатчины. А потом – телегу искать надо было с лошадей, да по грязи, по кочкам... До Андреева Колодезя. А там уже везде наши были. Избиение младенцев...

Тут дед опять закричал, завздохал. Минуты три молчал, коленку тер, потом продолжил.

– Не хочу, сынок, на тебя своих собак вешать. Слышал небось, что это такое

было – коллективизация эта. Смертоубийство чистое. Расскажу тебе только одну историю. В душу запала. Перед самым возвращением в Ленинград притащились мы в одну богатую избу, а там значит баба с дитем. Мужа у нее уже с неделю как забрали. Подкулачник был он или вредитель, кто знает? Хорошо хоть не троцкист. Этих гнобили беспощадно. А так... Может и выжил. Случались чудеса. Скот, зерно и все запасы у них отобрали, лошадь увели, только младенца оставили в люльке. Люлька эта тяжеленная на четырех цепях висела, в потолок избы кольцо было врезано.

У матери то ли от голода, то ли от горя молоко пропало – младенец орал как резаный, а она, не помню, как ее звали – Евпраксия что ли, или Параскева, с почерневшим лицом, сидела на лавке, качала люльку худой рукой и смотрела в пол. И выла тихонько. Батиньки-мои-батиньки-мои, Спаси-гос-ди-спаси-гос-ди... Алешин говорил нам про нее: У этой кулацкой суки должны быть деньги. Много денег. Донесли соседи. Схоронены где-то. Мужа излупцевали, пальцы ему клещами вертели – молчит. Бабу били – тоже молчит. Леха ваш ее отодрал при всех и спереди и сзади – вот была потеха! Хотели ее выблядка у нее на глазах на штык поднять, но побоялись, что рехнется, пропадай тогда золотишко... Ваша задача – узнать, где деньги, и изъять. Вы ребята умные, будущие архитекторы и инженеры, вот и поработайте с ней убеждением.

Узнать, изъять. А как узнаешь? Убеждением? Архитекторы...

Ну, вот, расселись мы в избе на лавках. Горница просторная, жили кулаки зажиточно. Мебель наши всю переломали, клад искали, черти бухие. Пол вскрыли. Иконы как дрова накололи. Чего их жалеть – деревяшки, они и есть деревяшки. Это сейчас вокруг них хороводы водят, а при Никите, помню, штабелями жгли. Разнежились нынче все, а при Сталине было – без дураков! Значит, сидим. Что делать – непонятно. Баба воет, ребенок орет. Мочой пахнет и блевотиной.

Подошел я к бабе. Поглядел на нее. Молодка еще, привлекательная. Только худая как смерть, черная вся и зареванная. Сказал ей: Ты, как тебя, скажи нам лучше сама, где деньги спрятала, в живых останешься, дура, ребенка воспитаешь, может, обойдется все...

Погладил ее по плечу, хотел по-хорошему. А она дернулась от меня, как кобыла,

которую овод в зад ужалил и давай выть... Спаси-гос, спаси-гос...

Ты о ребенке подумай, ему жить тут... Мы с Михой не злые, скажи нам, где деньги, мы за тебя словечко замолвим. Попадешь в лапы к Алешину, он тебе ногти из пальцев вырвет, лют как сатана...

Полчаса уговаривал дуру. Все впустую. Переглянулись мы с Михой, плечами пожали.

Тут Миха наклонился ко мне и зашептал в ухо: Слушай, Зямик, у меня идея есть. Давай, как Шерлок Холмс, помнишь, письма он какие-то любовные у одной бабы выманивал... Письма или фотографии, не помню... богемского какого-то козлотура – князя что ли или короля, ну в общем, устроил он маленький фиктивный пожар, а баба эта кинулась письма спасать, а он подсмотрел, где она их прятала, чтобы потом фотографию выкрасть. Не помню, чем кончилось...

Ты, что же, хочешь избу поджечь? А если деньги где-нибудь глубоко в подполе или в огороде зарыты? Или в лесу, в дупле? Куда она тебе кинется? Посмотри на нее, ей все равно. Конченная баба. Дом пожжешь, а золотишко не найдешь.

Алехин нам головы оторвет, а может и настучать, ты его знаешь, еще посадят... за порчу социмущества, загремим во вредители, не отмажешься вовек!

Но Гершу упрямого разве отговоришь?

В общем, достал Миха свой наган с холостыми патронами, стрельнул в потолок, для куража, конечно, а потом хватъ керосиновую лампу – и на пол ее.

Вспыхнуло красиво.

Я поближе к двери... страшно! А он в темном углу стоит, как Гамлет, и на бедную бабу смотрит. Ждет, когда она ребенка и деньги спасать кинется. А та – сидит себе как сидела, и воет. Пламя загудело, по стене поползло и на люльку перекинулось. Ребенок еще громче заревел... Тут не выдержал я, подбежал к бабе, схватил ее под руки и силой уволок на улицу. А за мной Миха люльку с ребенком вытащил. Вместе с цепями из потолка выдрал, мосластый черт.

Ребенка в пеленках бабе в руки сунул, люльку под ноги швырнул, а сам скорей – в избу, пожар тушить. И ведь потушил, мерзавец! Вышел из избы, грудь колесом, как гусар ус подкручивает, а у него усов-то и нет. Так мы тогда между собой дурачились. Славный был Миха парень, подкосили его потом на фронте немцы, и трех недель не провоевал. Из всей нашей группы один я войну

пережил... А некоторых еще в тридцать седьмом не стало... Горько, сынок.

Дед опять закурил, потер коленку, помолчал минутку, вытер слезы платком и продолжил.

– Вот, слушай, сейчас самое интересное будет. Параскеву эту с дитем я на дрова усадил, сам рядом сел, чтобы деру не дала, закурил самокрутку. Сижу, курю, смотрю в землю и плюю себе под ноги. Хорошим манерам нас тогда не обучали! Зато марксизмом всю плешь проели. Миха отлить отошел за угол. Вдруг, вижу, сверкнуло что-то на земле. Под ногами прямо. Я поковырял сапогом – вроде монеты серебряные. А вот и золотая. Царский червонец. С Николашкой. Дух у меня захватило, встал я на колени, люльку на себя опрокинул – а из нее прямо плеснуло на меня серебром. Полилось серебро как в раю молоко и мед. И золотишки засверкали. Вот ведь дела! В люльке был клад спрятан, под ребенком – прямо перед носом у нас, дураков, а мы и не догадались!

Тут Евпраския вроде как завозилась, застонала, положила ребенка на травку, а потом вдруг зарычала как медведица и на меня бросилась, вцепилась в волосы, мерзавка, а я тогда кудрявый был как твой Шагал, и давай их драть и кусать мне руки...

Я ее хочу от себя отодрать – не тут то было! Волосы дерет, кусает и ругается, чертовка: Жиды, жиды пархатые, чтоб вам всем подохнуть под забором, погодите, скинут вашу власть мужики, кишки-то вам повыпустят! Ироды-хриstopродавцы...

Что с нее возьмешь? Несознательная. Кулачка. Совсем бы она меня загрызла, но тут Миха подскочил, хватить ее за волосы и давай тянуть, только отодрать ее от меня и он не смог.

Ну, тут он осерчал... да наганом ее... по тыкве...

Только переборщил, гусар, раскроил ей череп, убил бабу совсем.

Жалко деваху. Хотя... Может оно и к лучшему, все равно ей было на свете не жить. Задрали бы молодуху наши кобели. А тут и Алехин к нам на мерине прискакал. Явление Христа народу... Увидел злато-серебро и залыбился, сучий пес. Куревом нас угостил хорошим и самогоном. На мертвую бабу и не взглянул. Нашли мы добрый мешок и монетки в него покидали. Из серебра – одни полтиннички, а золота – и пятнадцатирублевики старые и пяти и десятирублевые

монеты были. Только царские деньги хранили кулаки. Довоенные. Советам не доверяли. С пуд серебра государству сдали тогда. И с полкило золота.

А ребенка в другую, бедную избу, одинокой какой-то бабе отдали. Я ей потихоньку горстку серебра и три червонца в руку сунул, чтобы Параскеву эту, или Евпраксию похоронила. Та поняла, приняла, промолчала...